

РЕЦЕНЗИИ

«Russisches rückläufiges Wörterbuch», zusammengestellt von R. Greve und R. Kroeche unter der Leitung von M. Vasmer, Halbband I, Berlin—Wiesbaden, 1958. 713 стр.

H. H. Bietfeldt. Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart.—Berlin, Akademie-Verlag, 1958. 392 стр.

За последние годы появилось несколько так называемых обратных словарей, которые представляют собою более или менее полный перечень слов какого-либо языка, расположенных в порядке алфавита по концу слова¹. В предисловиях к этим словарям почти все их составители в качестве основного мотива создания обратных словарей указывают на неразработанность вопросов словообразования. Редакторы рецензируемых здесь словарей в особенности подчеркивают отставание науки в изучении славянского словообразования, с чем трудно не согласиться. Однако причина отставания, как нам кажется, вопреки авторитетному мнению М. Фасмера,—не пренебрежение к словообразованию, а те трудности, которые связаны с изучением процесса словообразования в славянских языках, осложненного фонологическими закономерностями и лексическими случайностями. Еще довольно часто в качестве исследований по словообразованию предлагаются более или менее удачно семантически классифицированные перечни слов. Тот факт, что такие работы по русскому словообразованию до сих пор все-таки имеют смысл, связан с трудоемкостью работы по сбору материала, которая из предварительной легко превращается в основную. Поэтому нельзя не порадоваться появлению обратных словарей русского языка, от которых следует ждать значительного облегчения этой работы. Мало того, обратные словари делают возможным предварительный обзор взаимосвязанных словообразовательных групп и сопоставление составляющих лексических единиц во всей их совокупности (например, наличие или отсутствие отдельных производных прилагательных на *-тель-*

ный при существительных на *-тель*: *мечтатель* — *мечтательный*, *представитель* — *представительный*, но только *читатель*, *учитель* и т. д.), что поможет точнее определить границы исследований по словообразованию и избавить их от распылчатости и перечисления очевидных истин. Следует заметить, что форма обратного словаря, в котором слова даны в порядке алфавита, наиболее удобна для первоначальных справок по словообразованию. Распределение всех слов по словообразовательным типам представило бы много неоправданных затруднений для составителей, потребовало бы от них специальной исследовательской работы, содержание которой все равно не могло бы быть отражено в словаре, а следовательно, и сами решения остались бы вновь спорными.

Вышедшие в свет обратные словари русского языка представляют читателю богатый и разнообразный лексический материал. Только I том словаря Р. Грeve и Б. Крeше содержит, по нашим подсчетам, более 142 тыс. слов; его составители использовали, кроме словаря В. И. Даля (3-е изд. под ред. И. А. Бодуэна де Куртене) и словаря под ред. Д. Н. Ушакова, целый ряд специальных хозяйственных и административных словарей, перечень которых должен быть дан во втором томе. В словаре под ред. Г. Г. Бильфельда, меньшем по объему, имеется около 80 тыс. слов из словаря под ред. Д. Н. Ушакова, из словаря С. И. Ожегова и «Орфографического словаря», т. е. в нем представлена лексика современного русского литературного языка. В словаре Грeve и Крeше объем лексики гораздо шире, разнообразнее и хронологически, и территориально, и стилистически. Это требует, однако, большой осторожности при пользовании им и осторожности в выводах.

Целый ряд словообразовательных и морфологических моделей, широко представленных у Даля, по ныне малопродуктивных, многообразно отражен и в словаре Грeve и Крeше: *задав, передав, додав, придав, свеив, отвеив, увив* и т. д.; *соскочка, отскочка* и т. д. (у Даля — действия по соответствующим глаголам); притяжательных прилагательных на *-ов*: *герцогов, инвалидов, супругов, леопардов, учеников, хлебников, волшебников, художников, зложеников, разбойников, покойников, любовников* и т. д. — всего около 1000 притяжательных прилагательных на *-ов*, многие из которых, подобно вышеприведенным, не мо-

¹ Описание таких словарей имеется в рецензиях Р. М. Цейтлина, ВЯ, 1957, № 3, стр. 147—148 и И. А. Мельчука, ВЯ, 1958, № 6, стр. 116. К словарям, указанным в рецензии И. А. Мельчука, можно добавить еще следующий: Р. Кетсхимер, Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Sprache, Göttingen, 1944.

гут быть употреблены в современном литературном языке. То же самое можно сказать о существительных женского рода на -ица, также воспроизводимых по Далю: *лытвилица, землепроходица, своеволица, землепроходилица, приживалица шеголица, содерганица, сорваница, зубоскалица, назыница* и т. д.

В связи с разновременностью разностильности лексик словаря Греше и Креше как особый недостаток ощущается отсутствие в нем каких-либо ссылок на использованные словари. Например, помета при словах, выписанных из словаря Даля, сразу разделила бы лексику по хронологическому признаку. Чрезвычайно трудно так же будет установить значение слов с терминологическим содержанием, если количество использованных специальных словарей было велико, — из-за каждого слова надо перелистывать все словари.

Что значат и как попали в словарь такие, например, слова, как *замкомморде, инпрека, стацуска* и т. д.? А между тем слов такого рода в словаре Греше и Креше значительное количество. Много аббревиатур и сокращений, в том числе и графических: *товдиссуд, зенпуларота, Ре, Лилян, Водок., Мельн., Д. мельн., Пар. мельн., ррд, срд, сд, мжд, птд, интд, оптд, тид, мг, кг, м.г., т.п., К., Кд, к., т. п., Жел.—кисл., Г.—сол., Дом инвал.* Хотя составители нашли нужным включать и подобные сокращения, остается неясным, какую пользу они могут принести исследователю, который не знает ни их значения, ни даже того, какие из них действительно существуют в употреблении, а не только рекомендуются словарем.

Словарь Греше и Креше дает перечень слов без каких-либо помет и без ударений, без предварительной обработки, которая облегчила бы использование словаря в целях изучения словообразования. Включение графических сокращений также не свидетельствует о четком профиле словаря как справочника по словообразованию. В настоящем своем виде это справочник наиболее общего типа, который может быть полезен при изучении словообразования, так же как при расшифровке текстологами сохранившихся обрывков слов (именно для этого, по свидетельству М. Фасмера, был создан первый из обратных словарей—О. Gradenwitz, *Laterculi vocum latinorum*, Leipzig, 1904), для фонологических исследований¹, для отыскания рифм (при современном развитии поэтической формы — наименее почетная цель) и для решения практических задач, которые трудно предопределить. С точки зрения изучения словообразования словарь Греше и Креше хорош тем, что на каждый словообразовательный тип здесь можно найти чрезвычайно многочисленный материал, преимущественно из малоизученных с этой стороны словесных запасов Даля; так, слов с суффиксом -*ушек* — 36 (при 6 у Бильфельдта), -*ушек* — 15 (при 6 у Бильфельд-

та), -*ешенек* — 48 (при 5 у Бильфельдта), -*оханек* — 52 (при 7 у Бильфельдта) и т. д.

В словаре под ред. Бильфельдта сделана попытка его подчинения интересам изучения словообразования в современном русском литературном языке. Здесь более единообразен лексический материал. Во всех словах, кроме односложных, обозначено ударение (расставленное вполне тщательно, за исключением некоторых случаев: *ковровщик, резбовщик, ялтинец, сочинец, марганец, малец, кбрец, травонька* и нескольких других); отмечены лексико-грамматические явления, связанные со словообразованием. Слова, обозначающие предметы, встречающиеся чаще всего попарно или в совокупности (*ботинки, бивни, бланчики, бубенчики*), а также названия народов и народностей (*чехи, поляки, немцы*), которые, как правило, имеют форму множественного числа, даны с пометой pl., обозначающей большую употребительность этой формы по сравнению с формой единственного числа. Попутно нельзя не заметить, что, кроме указаний, словарь в качестве самостоятельных слов в форме множественного числа содержит *pluralia tantum*, которые не имеют никаких специальных помет. Поскольку лексикализация форм множественного числа осталась необозначенной, не мотивировано наличие в словаре некоторых форм множественного числа и неясно их отношение к формам единственного числа. Полная лексикализация форм множественного числа может быть отмечена в следующих случаях: *выбор* — название действия по глаголу «выбрать», а также в значении «ассортимент», но *выборы* — избирательные представители; *выварка, выпарка, выжарка, выгарка, выческа, выработка* — названия действий по глаголам, которые не имеют формы мн. числа, — *выварки, выгарки, выжарки, выпарки, вычески* — слова результативно-качественного значения и не имеют ед. числа. Такая противопоставленность по значению форм числа могла быть легко отмечена при наличии дополнительной пометы для слов *pluralia tantum*.

Условной пометой обозначены прилагательные и некоторые причастия, употребляющиеся и в значении существительного: ¹*слепой, приказный, арестованный*. Относительно же полностью субстантивировавшихся прилагательных и причастий следует заметить, что они не обозначены, т. е. отмечены лишь случаи переходного состояния, а не окончательного результата этого процесса. Поскольку рассматривать явление не имеет смысла без учета крайних случаев, надо отыскивать и их например субстантивировавшиеся прилагательные муж. рода среди массы всех прилагательных. К тому же переходные формы развиваются в окончательные, и довольно быстро.

Вводя указанные пометы, составители словаря последовательно руководствовались при их постановке словарем под ред. Ушакова, наиболее авторитетным и полным в этом отношении, впрочем так же, как и в других. Но со времени появления словаря под ред. Ушакова прошло много лет.

¹ См. указанную рецензию И. А. Мельчука.

Поэтому при пользовании словарем под ред. Бильфельдта следует учитывать, что указанные пометы отражают вчерашнее состояние русского языка: *хлебозаготовки, дровозаготовки, сенозаготовки, лесозаготовки, мясозаготовки, скотозаготовки, издержки, булки, пухляк, будни, плутни* утратили формы единственного числа и превратились в *pluralia tantum*. Утратили частичную субстантивацию прилагательные *курортный* в значении «курортник»¹, *услужливый* «прилуга», *отпускной* «отпускник», *обязанный* «военнообязанный», *штрафованный* «тот, за которым числятся взыскания по службе», *очередной* «тот, чья очередь что-нибудь делать», *начальствующий* «начальник», *уличный, заводской, канальный*. Другие прилагательные приобрели ее: *миленький, неуспевающий, отстающий* (чаще в форме мн. числа: «большой процент неуспевающих», «заятия с отстающими»), *разводящий, свободомыслящий, малограмотный* («обучение малограмотных»), *штрафной* (спортивное: «судья назначил штрафной» и просторечное: «налейте опоздавшему штрафной»), *правофланговый, участковый* («участковая комиссия», «участковый милиционер» и «новый участковый»), *подручный* («подручный инструмент» и «подручный токаря»).

Ошибки в расстановке пометы *pl.* следующие: при словах *щипочки, картишки, блошки* (устарелое), *четверни* (устарелое) поставлено *pl.*, хотя это *pluralia tantum*. Отсутствует помета при словах *баки, овоши, припасы* (относительно слов *волосики, усики*, также не имеющих пометы *pl.*, допустимо и такое решение). Помету *pl.* имеет слово *поскребыши*. Но в форме мн. числа употребляется слово *поскребыши pluralia tantum* «соскобленные остатки пищи». Устарелое *поскребыши* «хлебце, испеченный из остатков муки» не имеет множественного числа. Это разные слова.

Есть в словаре и еще одна помета — для омонимов. Целесообразна ли она здесь? В лингвистической литературе нет единства в понимании омонимии, и толковые словари в этом отношении отличаются один от другого. Но если не отмечать этого явления в обратном словаре, то остались бы не обозначенными не только спорные случаи, но и явные совпадения слов. К тому же омонимия настолько плохо описана, что всякая возможность уделить этому внимание должна быть использована. Наиболее правильным было бы указать на все случаи омонимии, отмеченные хотя бы в одном из использованных словарей. При этом источник следует обязательно указать, поскольку в разных словарях отражены различные мнения. О тщательности расстановки пометы при омонимах мы не берем судить, так как проверка могла бы быть сделана лишь от толковых словарей, т. е. очень трудоемким способом. Можно указать, однако, на некоторую непоследова-

тельность составителей, связанную с отсутствием системы в обозначении выделенных лексико-грамматических явлений, — омонимия форм мн. числа не отмечена: *городки* (*pl. t.*) «игра», *городки* «маленькие города»; *пики* (*pl. t.*) «масть», *пики* «оружие»; *плечики* (*pl. t.*) «вешалка», *плечики* — уменьшит.-ласкат. к «плечу»; *цыпки* (*pl. t.*) «трещинки на руках», *цыпки* «маленькие цыплята»; *ноготки* (*pl. t.*) «садовые цветы», *ноготки* «маленькие ногти»; *очки* (*pl. t.*) «оптический прибор», *очки* «единицы счета»; *разводь* (*pl. t.*) «узоры» и *разводь* — действие по глаголу «разводить» и «разводиться», например: «участились разводь». Каждая из этих пар слов в словаре представлена одним словом, без помет, т. е. приравнена к таким абсолютным *pluralia tantum*, как *выварки, вычески*.

Все это свидетельствует, как нам кажется, о том, что такие пометы являются пока что «вынужденными», и тот и другой обратные словари приводят слова и формы слов (например, с суффиксами субъективной оценки) в том количестве и в том виде, как они представлены в использованных толковых словарях. Поэтому оказались отмеченными лишь те случаи расчленения слова, которые наглядно обозначены в толковых словарях: омонимы, данные отдельными словарными статьями, частичная субстантивация, частичная лексикализация форм мн. числа, специально оговоренная в словарной статье. В толковом словаре все это комментирует употребление слова. А для изучения словообразования важны сами явления во всей совокупности составляющих их частных случаев, следовательно, при обозначении какого-либо лексико-грамматического явления в обратном словаре следовало бы идти от самого явления, а не от слова.

Со стороны своего состава обратные словари не обещают чего-нибудь нового по сравнению с использованными толковыми словарями. Поэтому в них не входят совсем или входят лишь частично разряды слов, наиболее интересные со стороны словообразования. Например, в словаре Бильфельдта совершенно отсутствуют наречия на *-ому, -ему* с приставкой *по-*, образованные от прилагательных и местоимений. Некоторые грамматические категории слов — наречия на *-о, -е, -ски, -ы*, существительные с суффиксами лица, существительные абстрактного значения, существительные и прилагательные с суффиксами субъективной оценки — представлены в словаре под ред. Бильфельдта в объеме словаря под ред. Ушакова и в значительно большем объеме в соответствии со словарем Даля, — у Грете и Креше. Исключение наиболее продуктивных производных образований, таких, как имена с суффиксами субъективной оценки или наречия на *-ому*, из толковых словарей объясняется тем, что значение этих образований прямо выводимо из значения производящих. Но само словообразование даже в таких случаях не является полностью формализованным. И отсутствие целой группы наречий, так же как неполнота других словообразователь-

¹ См. словарь под ред. Д. П. Ушакова; во всех других случаях также указывается этот словарь.

ных групп, сказывается на полноценности обратного словаря.

При выяснении особенностей сложных словообразовательных типов наиболее интересны дублетные образования, возможные лишь для некоторых основ (*листёк* и *листик*, *гвоздь* и *гвоздик*, *домёк* и *дёмик*, но только *голосёк*, *арбузик*, *шалашик*). Было бы естественным найти в обратном словаре полный перечень дублетов хотя бы слов, включенных в словарь. Но и в этом отношении в словаре под ред. Бильфельдта имеются пропуски: например, *гвоздик*, *рощёк*, но нет *гвоздь*, *рбстик*. Такую неполноту можно еще отметить и у отглагольных имен.

Орфографический словарь в этом отношении был использован, очевидно, неполностью и в какой-то мере случайно. Об этом заставляют подумать малоопытные слова, по неизвестным соображениям воспроизведенные в обратном словаре вслед за орфографическим: *машинка*, *трёпел*, *приёмки*, *слюноточка*, *дёрба*, *воробя*, *сляб*. Использование орфографического словаря, наиболее полного из имеющихся законченных словарей русского языка, для пополнения обратного словаря, по нашему мнению, могло иметь место только в отношении производных глаголов и отглагольных имен, но не в отношении таких имен, значение которых ситуативно, не равно сумме составляющих.

Вряд ли обратный словарь может быть использован для изучения словообразования, если отыскание значения приводимых слов будет чрезвычайно сложным делом. Для изучения словообразования неудобен обратный словарь, который через орфографический соотносен со множеством неизвестных словарей. Удобнее и целесообразнее будет создание дополнительных справочников, составленных по группам специальных словарей, в которых можно найти точное указание на значение каждого слова. Достаточно вспомнить, сколько интересных наблюдений, касающихся русского словообразования, сумел сделать Г. О. Винокур именно на материале русской технической терминологии.

Если бы обратный словарь был специальным справочником по словообразованию, можно было бы возражать против перегруженности его устаревшими словами при отсутствии некоторых распространенных и употребительных ныне слов, например: *ультразвук*, *земснаряд*, *изотоп*, *фотоэлемент*, *люминесценция*, *полупроводник*, *фотолюб*, *завуч*, *пионерлагерь*, *визосы*, *автомобиль*, *автоматизация*, *моторостроение*, *нейрохирургия*, *лесопарк*, *старшекурсник* и др. Как будто излишни в словаре современного русского языка заимствованные и уже устаревшие слова, прежде всего заимствованные изолированные слова «исторического содержания»: *фиск* — государственная казна; *селямлык* — торжественное шествие султана в мечеть; *сёмик* — в польско-литовском государстве собрание шляхты одного воеводства, уезда; *сидик* — в древней Греции — защитник в суде; *тёрлик* — род верхнего платья в древ-

ней Руси; *скрупул* — старинная единица антикарского веса; *санджак* — административный округ в дореволюционной Турции; *эдыл* — в древнем Риме должностное лицо — помощник трибуна и др. Подобные слова взяты из Толкового словаря под ред. Ушакова. Но поскольку отступление от толковых словарей служит не на пользу, а во вред обратному словарю, следует признать неизбежным полное воспроизведение всех слов из них, без специального отбора.

Характерно, что возникновение обратного словаря связано с изучением мертвых языков, где отсутствует проблема отбора слов, а сами обратные словари появились в виде простого приложения к обычным толковым и историческим словарям, в которых было легко справиться и о значении и об употреблении соответствующего слова¹.

Отсутствие отбора слов и указания на их употребительность в обратном словаре современного языка, созданном пока что по типу прежних словарей, делает невозможными непосредственные выводы относительно словообразования на основании одного лишь обратного словаря. Языковое чутье противится, например, такому легкому и вольному образованию слов женского рода с суффиксом *-ка* от слов мужского рода, каким оно представлено в словаре. Прежде всего это относится к словам, обозначающим женщин по роду деятельности: *стажерка*, *лингвистка*, *юмористка*, *стажистка*, *просвещенка*, *университетка*; по отношению к какому-либо общественному направлению: *ленинка*, *позитивистка*, *конструктивистка*, *федералистка*, *натуралистка*, *атеистка*; по характерному признаку: *богатырка*, *суккерка*. Все эти слова могли быть образованы, но не вошли в употребление, так как значение лица, т. е. указание на женщину, преобладает над их качественным содержанием в связи с тем, что по разным причинам они образованы путем присоединения суффикса к соответствующему слову мужского рода, а не замещением суффикса лица мужского рода (*старик* — *старуха*). При этом был нарушен параллелизм внутреннего строения сопоставимых слов мужского и женского рода; *стажер* — *стажерка*, в связи с чем суффикс лица мужского рода во втором производном слове сливается с той частью основы, которая выражает качественное содержание слова и вследствие обратного влияния превращается в слове муж. рода в показатель имени. В слове жен. рода от сопоставления со словом муж.

¹ См.: упоминавшийся словарь О. Граденвица; приложение к тохарско-латинскому словарю П. Поухи (P. Poucha, *Institutiones linguae tocharicae*, Praha, 1955), третья часть «Краткого словаря к древнехристианским текстам» Л. Садника и Р. Айтпетмюллера (L. Sadenik und R. Aitzetmüller, *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*, Heidelberg, 1955).

рода выделяется чистый показатель пола; пол здесь оказывается подчеркнуто обозначенным. И это мешает равнозначному употреблению таких слов женского рода наряду со словами мужского рода в современном языке, хотя со времени революции именно эта особенность значения способствовала распространению подобных имен женского рода.

Некоторые другие словообразовательные типы также претерпевают изменения, нередко связанные с рядом различных сложных причин. Это требует большой осторожности в использовании материалов, представленных обратным словарем, и, безусловно, для каких-либо выводов относительно словообразования необходимы дополнительные сведения о времени существования слова, его стилистической и диалектной принадлежности, которые могут быть достаточно достоверно установлены лишь на основании толковых словарей. Пока что необходимость этой трудоемкой работы, кажется, не принимается во внимание составителями обратных словарей современных языков, лишенных ссылок на источники.

Необходимость обратных словарей очевидна. Можно ожидать, что в ближайшее время у нас появятся такие словари различных типов¹.

После выхода в свет словаря под ред. Бильфельдта и словаря Греше и Крешо они могут быть составлены достаточно быстро и уже на более высоком научном уровне, так как указанные словари дают возможность определить круг вопросов, требующих предварительного решения при составлении обратного словаря.

Р. В. Бажтурина

¹ Работа по составлению обратного словаря в настоящее время ведется в Ленинграде И. К. Зборовским с группой сотрудников словарного сектора Института русского языка. Вызывает некоторое беспокойство намерение И. К. Зборовского включить в обратный словарь материалы картотеки полностью из данного еще Большого академического словаря русского языка, что затруднит использование обратного словаря для изучения словообразования даже по сравнению с упомянутыми словарями.

СЛОВАРЬ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА XVI В.¹

(Важный вклад в развитие лингвистической статистики)

Словарь польского языка XVI в. является продолжением словаря древнепольского языка (*«Słownik staropolski»*), который давно уже был подготовлен и с 1953 г. выходит отдельными выпусками (к настоящему времени издание доведено до буквы G). Работа над словарем ведется пятью лабораториями под руководством профессоров С. Бонка, С. Храбца, В. Курашкевича, С. Роспонда и В. Ташицкого. Общую координацию осуществляет отдел истории литературного языка и теории литературы Польской Академии наук под руководством проф. М. Р. Майеновой. В феврале 1954 г. план и проблематика словаря были обсуждены и одобрены на заседании языковедческого комитета. О работе над словарем доложил на IV Международном съезде славистов В. Курашкевич.

Словарь польского языка XVI в., как его задумали авторы,— это прежде всего словарь исторический. Ему чужда всякая идея нормативности, отбора собранного материала, он должен быть прежде всего полным. Заметим, что такая постановка вопроса стала возможной только благодаря тому, что авторы поставили себе тесные, хотя и довольно условные хронологические рамки (1501—1600 гг.). Авторы ограничиваются также в основном обследованном печатных текстов, не привлекая пока рукописных материалов.

Как указывается во введении к проблемному выпуску, удача подобного словаря целиком зависит от того, «насколько полон материал, подвергающийся обработке, насколько он показателен для центральных, существеннейших процессов, происходивших в языке XVI века» (стр. XII). Надо сказать, что список отобранных источников достаточно внушителен. Он включает в себя: произведения по математике, астрономии и астрологии (4), по медицине и лекарственному делу (4), по педагогике (2), по хозяйству и праву (6), по орфографии и словарю (4), по географии (включая описания путешествий) (4), хроники и повести (10), апокрифы и жития святых, биографии философов (7), проповеди (7), религиозную полемическую прозу (13) (из них в форме диалогов 3), молитвенники и псалтыри (6), религиозную морализующую прозу (8), светскую политическую литературу (11) (из них в форме диалогов 2), литературу в стихах (разных жанров) (82) (из них диалоги и драмы 14), переводы библии (6). Общій объем обследованного материала составляет 7 млн. слов.

Перейдем к анализу отдельной словарной статьи. Для примера возьмем слово *głowa* «голова». Словарное слово (*hasło*) дается в древнепольской транскрипции (которая в данном случае совпадает с современной), в скобках указана частота употребления слова в обследованных текстах (1018 раз). Приводятся отдельные формы, например родительный единственного числа *głowy* (163 раза) и *głowej* (2 раза), причем

¹ «Słownik polszczyzny XVI wieku. Zeszyt próbny», Wrocław, 1956 (PAN, Instytut badań literackich).